Комментарий
13 ноября 2025

Расширение ЕС: риторика, реальность и замкнутый круг геополитики

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

ЕС декларирует приверженность расширению «как никогда». Всему причиной – геополитика. Однако между пафосной риторикой еврочиновников и реальностью – очевидная популистская пропасть.

Содержание

1 Фавориты гонки
2 Новый куплет в старой песне
3 Геополитические требования – геополитические отмазки

4 ноября Европейская комиссия обнародовала доклад под названием «Пакет расширения» (Enlargement Package). Это ежегодный обзор, в котором страны-кандидаты на вступление в ЕС оцениваются с точки зрения их прогресса в имплементации реформ и иных необходимых для будущего присоединения к Союзу критериев. В последние несколько лет, особенно после начала российско-украинской войны, тема расширения вновь резко взлетела в повестке дня ЕС. В «Пакете расширения» даже утверждается, что прямо сейчас эта тема находится высоко в списке приоритетов Евросоюза и что присоединение новых государств-членов уже не за горами.

Правда, приоритет этот скорее риторический, нежели реальный. По крайней мере, если речь идет о самом громком и обсуждаемом кейсе среди всех кандидатов на вступление – Украине. А вместе с ней – и обо всей геополитической волне расширения, о которой сейчас открыто говорят брюссельские функционеры.

Фавориты гонки

В докладе анализируется прогресс (или его отсутствие) в осуществлении реформ во всех девяти государствах-кандидатах на вступление, а также в Косово, которое официально не имеет такого статуса (и даже не признано всеми членами ЕС). Утверждается, что все эти страны остаются на траектории присоединения к единой Европе. При этом любопытно, что в пресс-релизе Генерального директората Еврокомиссии по расширению и восточному соседству по итогам доклада названные государства перечисляются не в алфавитном порядке. Список выглядит так: Черногория, Албания, Украина, Молдова, Сербия, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Косово, Турция и Грузия.

Такой порядок дополнительно указывает на то, кто из кандидатов продемонстрировал наибольший прогресс за предыдущие 12 месяцев. Еврочиновники подчеркивают, что среди десятки стран особенно выделяются первые четыре: Черногория, Албания, Украина и Молдова. Они показали самые быстрые темпы реформ и также декларируют наиболее амбициозные планы по срокам завершения всего переговорного процесса о вступлении. Черногория стремится финализировать переговоры уже к концу следующего года, Албания – к концу 2027 года, а Молдова с Украиной – к концу 2028 года.

Правда, многочисленные комментарии официальных лиц ЕС намекают на то, что все же представленный список фаворитов гонки присоединения показывает не только реальный прогресс реформ и адаптации евростандартов в этих странах. В еще большей степени он, очевидно, отражает политические приоритеты самого Брюсселя. И то, какие из стран-кандидатов в тамошних политико-медийных кругах принято считать наиболее привлекательными кейсами.

По крайней мере, именно такой вывод напрашивается в случае Украины. Эта страна в неалфавитном списке Еврокомиссии оказалась на третьем месте, даже выше Молдовы. Хотя именно Кишинев получил от евробюрократов наибольшие похвалы и оценки за «самый существенный прогресс» в направлении членства в ЕС.

Сама идея реформировать воюющую страну в соответствии со стандартами и требованиями ЕС, конечно, не может не восхищать. Как и усилия, отвечающих за ее реализацию членов правительства Украины. Но, если оставить в стороне публичную риторику европейских и украинских чиновников, разве можно

обсуждать эту идею хотя бы с какой-то долей серьезности? Особенно с учетом тех масштабов и уровня проникновения коррупции, которыми всегда славилась Украина. Это не критика Украины.

> Это лежащий на поверхности очевиднейший вопрос, который просто подчеркивает, что с официальным списком фаворитов гонки присоединения что-то не так. Что есть в нем какая-то недосказанность, скрытая повестка или просто циничный бюрократический популизм.

Кажется, что и в брюссельских институтах, и в государствах-членах ЕС все это прекрасно видят. Еврокомиссар Марта Кос, которая отвечает в действующей Комиссии за политику расширения, ожидаемо подчеркнула при презентации доклада проблему коррупции и верховенства права в Украине. Очевидно, что в условиях войны Киев объективно не может по этим показателям приблизиться к стандартам ЕС. И это невозможно не понимать, даже если многие в Брюсселе все еще живут в мире победивших либерализма и постмодернизма.

Еще лучше на просторах Евросоюза понимают, что именно для этого интеграционного объединения означало бы в какой-то осязаемой перспективе вступление такой большой и проблемной страны, как Украина. Например, в плане безопасности, учитывая количество оружия на руках у украинцев и разного рода вызовы организованной преступности. Или в плане «подтягивания» Украины к социально-экономическому уровню ЕС. В еще большей степени – в плане интеграции сельскохозяйственного сектора Украины в единый европейский рынок, только лишь упоминание чего на серьезном уровне может похоронить множество политических карьер в различных странах ЕС. Или, скажем, в плане необходимости перераспределять национальные квоты в исполнительных институтах в Брюсселе и в Европейском парламенте. Этот список может быть бесконечно долгим.

> Поэтому, к сожалению, официальные заявления и доклады Еврокомиссии о близкой перспективе присоединения Украины к Союзу – это лишь политическая игра и риторика.

Возможно, некоторые еврочиновники искренне думают, что таким образом они дают позитивную надежду и стимул для украинского общества двигаться в направлении реформ. Но в действительности эти игры и риторика, скорее,

отражают безответственную политическую конъюнктурщину, приспособленчество и отсутствие смелости говорить о реалистичной программе для Украины, а не рисовать воздушные замки.

В этой связи было бы крайне любопытно понаблюдать за брюссельскими чиновниками и некоторыми особо громогласными политиками в странах ЕС, если бы тема будущего вступления Украины в Союз стала реальной частью переговоров о завершении войны. Если бы, например, администрация Дональда Трампа в какой-то момент начала всерьез настаивать на том, чтобы в пакете соглашений по завершению боевых действий между Россией и Украиной был и пункт о быстрой интеграции последней в ЕС.

Новый куплет в старой песне

На то, что к теме расширения ЕС брюссельские чиновники все больше подходят по принципу «в реальности и на самом деле», указывают и другие звучащие из Еврокомиссии идеи. Так, Брюссель предлагает заложить в будущие соглашения о присоединении некоторые страховочные механизмы. Их задача – гарантировать, что, став членами ЕС, государства не смогут отойти от тех обязательств, которые будут принимать на себя в рамках переговоров о присоединении.

Развивая эту идею, еврокомиссар Марта Кос даже говорит о необходимости ввести «испытательный период» для новых членов. По ее словам, дискуссия о подобном механизме пока еще в начальной стадии. Но общий смысл понятен: избежать неподконтрольных процессов и минимизировать риски для внутренней устойчивости ЕС в результате громких и политически мотивированных решений о включении новых государств.

Такие предложения, понятное дело, не вызывают энтузиазма у стран-кандидатов. Ведь в случае реализации они фактически приведут к расслоению Европейского союза на основных и второстепенных членов. На тех, кто пользуется всей полнотой интеграционных прав и привилегий, и тех, над кем такая морковка будет лишь подвешена. Даже если этот пока лишь гипотетический механизм получит временные ограничения.

Поэтому естественно, что лидеры стран-кандидатов отреагировали на эти идеи с подчеркнутым негативом. Правда, их мнение в действительности не имеет значения. Ведь решения о том, одобрять ли новых членов и в каком формате, будут

принимать действующие государства ЕС. А они будут исходить из всего многообразия собственных интересов, в результате чего вероятность новых больших волн расширения Евросоюза крайне низка в осязаемой перспективе.

> В этом смысле для государств-соседей ЕС, особенно больших, за последние десятилетия мало что изменилось. По своей сути идеи об испытательном периоде и ограниченном членстве не сильно отличаются от формул и форматов, которые чиновники и политики в ЕС придумывали для обустройства отношений с соседями еще с самого начала 2000-х годов.

Тогда они также понимали важность более тесного взаимодействия со странами-соседями и системного «завязывания» последних на сотрудничество с ЕС. И точно так же осознавали, что полноценное вступление этих стран в Союз невозможно, так как оно бы противоречило интересам действующих членов.

Именно на фундаменте таких идей родилась в свое время, например, Европейская политика соседства (ЕПС). В 2002 году занимавший тогда пост председателя Еврокомиссии Романо Проди предложил знаменитую формулу-видение ЕПС: страны-соседи смогут «разделять все с Союзом, кроме институтов», а сам ЕС «должен быть готов предложить больше, чем партнерство, и меньше, чем полноправное членство». Аналогичная философия сопровождала создание «Союза для Средиземноморья» и «Восточного партнерства».

То есть получается своего рода старая песня о главных дилеммах Европейского союза в отношениях с соседними странами, стремящимися стать частью единой Европы. В имеющихся международных условиях повышаются ставки, возникают некоторые новые нюансы. Потому в этой песне появляется и новый куплет в виде таких идей о «переходном периоде». Но суть дилемм от этого принципиально не меняется.

Геополитические требования – геополитические отмазки

Правда, дилеммы расширения все больше покрываются геополитической оберткой. Это делает сам ЕС. Прежде всего – Европейская комиссия. Там открыто говорят о том, что включение новых стран-членов, особенно на востоке, должно помочь укрепить безопасность и геополитические позиции ЕС. Как подчеркивает глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен: «Мы как никогда привержены превращению расширения ЕС в реальность. Потому что больший Союз означает более сильную и влиятельную Европу на глобальной сцене».

Но и в этой аргументации получается забавный и одновременно показательно циничный замкнутый круг.

> Активное использование геополитического аргумента для повышения значимости расширения Еврокомиссией, разумеется, дает основания акцентировать этот же аргумент и самим странам-кандидатам.

Что те и делают. Они, особенно Украина и Молдова, настаивают на как можно более быстром и дебюрократизированном прохождении всех вступительных переговоров и процедур, ссылаясь на геополитические вызовы для ЕС со стороны России. Притом настаивают мощно, с напором.

Казалось бы, что в такой ситуации делать европейским чиновникам и политикам, которые стали первоисточником геополитического аргумента, но которые также понимают, что в реальности большое геополитическое расширение ЕС в кратко- и даже среднесрочной перспективе невозможно? Остается только соглашаться с аргументацией. И они действительно вновь соглашаются. Но при этом добавляют элемент, который по тем же геополитическим основаниям отказывает странам-кандидатам в праве на безоговорочное быстрое движение к интеграции.

В интервью The Financial Times Марта Кос предложила изящное объяснение смысла предлагаемого переходного периода (а вместе с ним и других возможных ограничений) для гипотетических новых членов Евросоюза. По ее словам, этот механизм гарантирует, что в ЕС не попадут «троянские кони, которые потом станут активными через 10 или 15 лет». К кому отсылает метафора, легко догадаться. Получается действительно изящно.

Так что геополитика оказывается такой удобной сферой рассуждений, что на геополитические требования очень легко ответить геополитическими отмазками. А ведь еще какое-то десятилетие назад сам термин «геополитика» был в Брюсселе табу.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»